

ГЛАВА III.

ЕЩЕ ПАНЫ.

То услышавъ Дессимиръ, поспѣшаетъ,
Беретъ коней и колымагу,
Беретъ съ собой сокровищъ шесть व्यюковъ
И ѣдетъ по бѣлому свѣту.

СЕРБСКАЯ НАРОДНАЯ ПѢСНЯ.

На проспранспвѣ одной мили, съ
воспочной спороны опъ зѣмка Лодо-
мирскаго, чернѣется длинная цѣль кур-
гановъ, насыпанныхъ искусственной ру-
Запорож. Наѣзд. Ч. I. 3

кою и, какъ кажется, оставшихся вмѣсто памятника послѣ бывшихъ набѣговъ хищной Крымской Орды. На одномъ изъ кургановъ выстроено небольшое шалашъ съ краснымъ флагомъ, служившій для отдыха Пановъ при возвращеніи ихъ съ охоты; а далѣе въ полумилѣ виднѣется строеніе, столь же огромное, какъ Пана Лодомирскаго, но безъ всякихъ укрѣпленій. Широкий дворъ обнесенъ бревенчатымъ заборомъ; передъ окнами главнаго Флигеля разсажены цвѣтники и курпины, и почти у самого крыльца росли свободно, не зная руки садовника, двѣ густыя пополи, касаясь верхами почти до крыши строенія.

На балконъ средняго Флигеля сидѣли два человека въ богатомъ Польскомъ плащѣ. Одинъ изъ нихъ былъ уже преклонныхъ лѣтъ; фізіогномія его вы-

ражала какую-то проспону и малодушіе; напрошивъ другой имѣлъ не больше двадцати пяти лѣтъ опъ роду и совсѣмъ противоположную наружность: въ черныхъ, блестящихъ глазахъ его выражался умъ съ непосредственными порывами буйныхъ спрашей; всѣ движенія его показывали необузданную вольность. Казалось, спарикъ былъ только жалкое орудіе, коимъ управлялъ молодой человѣкъ безопчепливо по своей волѣ. Къ униженію правъ природы, къ спыду человѣчества, кпобъ вообразилъ найпи въ первомъ изъ нихъ опца, а во впоромъ сына!

Ужъ день склонялся къ вечеру. Оба Пана (ибо можно было замѣнить по плашью ихъ достоинство) были погружены въ раздумье. Всѣ ихъ движенія, а особливо младшаго, и нѣсколько опры-

вспыхъ словъ выказывали сильное неперпѣніе, ожиданіе чего-то, но почпи совсѣмъ безъ надежды.

— Тысяча бомбъ! тысяча дьяволовъ! — вскричалъ наконецъ молодой человекъ, не въ силахъ будучи болѣе выдержашъ волненія чувствъ своихъ. — Тысяча бомбъ проклятому обманщику!... Скоро ляжешь вечеръ на поля, а никого не видно. Клянусь саблею, что проклятый выведетъ насъ самихъ на чистую воду!...

Спарикъ съ жалобной гримасой пожалъ плечами и оспавался въ молчаніи.

— А кто виноватъ? — продолжалъ молодой Полякъ, успрема пламенные взоры на опца своего. — Чья глупость выдумала сумазбродный планъ? Ввѣряешь важную шайну и дѣлаешь порученіе козаку, врагу, бесурману!

— Но если эти враги въ состояніи все сдѣлать за наши гроши; если они гошовой рѣзались, съ кѣмъ тебѣ угодно, за золотио!... И припомъ развѣ не видали наши хлопцы передъ разсвѣтомъ зарева? Развѣ замокъ не разграбленъ?...

— А гдѣжъ Пання? Гдѣ Халенко?...

— Не удивительно, если что нибудь его и задержало. Удамой козакъ опъ золотио не прочь. Я обѣщаль ему еще сто червонцевъ, какъ скоро кончипъ все дѣло; шакъ вѣрно, когда не успѣлъ поушпру, къ ночи прилепишъ съ добычей каленой спрѣлою.

— Но кпо поручипся, что замокъ не оспался въ цѣлости, что разбойникъ сдержаль свое слово?...

— Кпо поручипся? Я сей часъ доставлю тебѣ поруку!—Панъ зазвонилъ въ колокольчикъ, лежавшій подлѣ него

на мраморной шумбѣ, и холопъ поспѣхъ
вбѣжалъ на зовъ его.

— Пошли ко мнѣ конюшихъ Власа
и Швидченку скорѣе!

Холопъ вышелъ, и черезъ минупу
показались два спарика, съ низкими
поклонами оспановясь въ опдаленіи.

— Говорише, бездѣльники!... закри-
чалъ молодой Панъ съ яростью. — Го-
ворише! Если хопъ одно слово непра-
вды, то я познакомлю васъ съ моею
саблею. Видѣли вы зарево около замка
Лодомирскаго? Увѣрены вы, что онъ
созженъ козаками?

— Видѣли, ясновельможный Пανε,
видѣли! закричали оба холопа, кланаясь
до земли.

— Когда вы видѣли?

— Послѣ прешнихъ пѣшуховъ, Панъ
милоспивый; шакъ все небо въ той
споронѣ и зардѣлось, какъ эпопъ кра-

снѣй кунпушѣ на вашей Панской особѣ.

— А на разсвѣтѣ, яснѣй Пане,—примолвилъ другой холопѣ,—все въ шой споронѣ шуманѣ споялѣ, и почпи цѣлый день гарью пахнешѣ.

— Да,—подхватилъ спарый Панѣ, поднимя голову и впивая въ себя воздухъ;—уже ли ты не чувспвуешѣ, что пахнешѣ гарью и воздухъ чрезвычайно душенѣ.

— Правду ли вы говорише, шунедцы?... закричалъ молодой Панѣ.

— Да не хай же насѣ Богѣ на семѣ мѣспѣ убьешѣ!... ошвѣчали холопы, снова повалясь въ ноги.

Молодой Панѣ задумался; спарикѣ махнулѣ рукою, и холопы вышли.

— Сей часѣ надобно послашѣ хлопца поудалѣе,—началѣ опяшѣ молодой Панѣ;—чтобѣ объѣхалѣ кругомѣ пожа-

рища и привезъ живыя вѣспи; безъ
шого я не буду покоенъ!

— Посылай, посылай пожалуй!...
вскричалъ Панъ, съ радостію попи-
рая руки;—а не видишь, что удалой къ
тебѣ лепишь спрѣлою.

Въ самомъ дѣлѣ на долинѣ показал-
ся верховой ѣздокъ, копорый ѣхалъ
прямо къ хоромамъ; но неуклюжая
позипура сѣдока и шощая лошадь, ко-
порая съ большимъ усиліемъ бѣжала
шихой рысью, не обнаруживали каза-
чьей удали. Когда же ѣздокъ допацил-
ся до ворошѣ, то къ гореспи близо-
рукаго спарика можно было разсмо-
трѣшь малорослаго Жида въ нахлобу-
ченной шапкѣ, копорый, согнувшись въ
дугу, подъѣзжалъ къ самому крыльцу.

— А! эшо нашъ факшоръ Вурза!...
закричали Паны въ одинъ голосъ.— За-
чѣмъ сюда принесли его дзѣябли?....

Между пѣмъ Жидъ вскочилъ на крыльцо, и пользуясь свободой входа, побѣжалъ прямо вверхъ по лѣсницѣ, крича во все горло: «Вазное дѣло до Пана; вазное дѣло до Пана!...

Вбѣжавши на балконъ, онъ пряхнулъ висками и опянь повпорилъ: «Вазное дѣло, ясные Паны! Сей же моменпъ десяпъ червонныхъ; вазное дѣло!»...

— За чпо шебъ десяпъ червонцевъ, поганецъ?—вскричалъ молодой Панъ. — Говори шакъ, безъ плапы, если не хочешъ пеплю на шею!

— Десяпъ червонныхъ, Пανε! Безъ шого не вымолвлю слова. Вазное дѣло!...

— Ахъ, собака!... шы въ самомъ дѣлѣ поргуешся. О! шы вѣрно не знаешъ...

— Десяпъ червонныхъ; хопъ сей часъ рѣжъ меня на куски, Пανε доброд-

зею, не скажу ни слова. Десять цер-
вонныхъ!...

— На, подавись ими, окаянный!... ска-
залъ наконецъ спарый Панъ, бросая
золопо въ шапку Жида. — Говори же
скорѣе!

— Вашъ слуга!... За разъ, Панове!...
Вопъ какое дѣло: сегодня поушру ра-
но поѣхалъ я къ Пану Лодомирскому
съ поваромъ, копорый онъ наказалъ
мнѣ привезти его милоспи...

— Къ Пану Лодомирскому! Ну на-
шелъ ли ты его шамъ?...

— Какъ не найши, нашель, Пανε!...

— Какъ нашель?... Вѣдь хоромы его
сгорѣли?...

— Сгорѣли?... Ни, ясный Пανε. Они
спояшъ цѣлехоньки. Только въ замкъ
видна какая-то переполоха; всѣ слов-
но какъ одурѣли. Вчера былъ праздникъ;

изъ ворошть шянущся подвода за под-
водой; и Панъ опослалъ назадъ меня.
Поѣхалъ я до Красной корчмы; шамъ
сховалъ у брапа шоваръ свой и хопѣлъ
опяшь ѣхашъ. Вдругъ нагрянули къ не-
му въ корчму два козака. Я спряшался
въ подполье; брапъ мой нацѣдилъ двѣ
кружки горѣлки имъ безъ денегъ, и
начали пишь, прокляпые. Выпили, по-
шли разговоры, и договорились до ше-
бя, Пανε. Вишь сегодня вечеромъ бу-
душъ они пишь у Пана Варницкаго не
горѣлку, а сладкія вина. Лишь полько
вишь звѣзды на небо, а они на коней,
да къ шебѣ въ госпи. Прокляпые напи-
лись, ускакали; а я изъ подполья ско-
рѣе бѣжашъ за клячей, да къ шебѣ, Па-
не. Скажи шеперь, спѣишь ли эпа въ-
спочка десятии цевонныхъ?...

— Провалились бы шебѣ и съ нею,
Жидъ нечеспивый!—вскричалъ молодой

Панъ съ яростью и опчаяніемъ, ломая руки.

— O Panna Maria!... O Iesus!... вскричалъ спарикъ, поблѣднѣвъ, какъ манжеты, раскинутыя по плечамъ его.... Надобно бѣжать скорѣ!...

— Какъ бѣжать? Развѣ мы не можемъ вооружиться? Развѣ моя сабля припущилась? Развѣ хлопцы наши побоялся мѣшинъ въ лобъ поганый?

— Ахъ, сынъ мой!... Чшо будетъ значить вооруженіе десятии человекъ, если ихъ нахлынутъ сюда сотни или болѣе. Пылкая молодость увлекаетъ тебя! Образумься!...

— Такъ неужели мы оставимъ всѣ наши богатства на жертву проклятымъ; попустимъ ихъ въ нашихъ богатыхъ залахъ поржесивовать нашъ срамъ и униженіе?

— Чшо Пан Iesus судитъ, шо и будетъ! Чшо можно, увеземъ съ собою, а чего не лзя, пусъ подавяпся, разбойники. Гей, хлопцы!...

Топчасъ все засуешилось. Жидъ, довольный своей добычею, спѣшилъ убраться. Холопы начали запрягать лошадей, навьючили при подводы всеъ, что можно было захватить на-скоро; но и половины всего богатства, мебели и великолѣпныхъ украшеній увезти было не возможно, а необходимость заставляла все оставить на разхищеніе.

Панъ Владиславъ Варницкій, съ помощію своихъ служивелей, топчасъ сѣлъ въ дорожную коляску, и въ сопровожденіи ихъ, быстро помчался по полю. Юный сынъ его, грустный, унылый послѣдовалъ за нимъ верхомъ; но не успѣли опѣхать четверть мили, какъ онъ ворошился за чѣмъ-шо въ

опустѣлый домъ и опять догналъ отца своего.

Никшо не зналъ настоящей причины его возвращенія. Но когда опѣхали цѣлую милю, то сильное зарево разлилось на Панскія хоромы, и по временамъ видно было вспыхивающее пламя!...

ГЛАВА IV.

У ЖИДОВЪ.

Между дымящимися головнями было нѣсколько Жидовскихъ прутьевъ!

Θ. Булгаринъ.

На угрюмомъ проспективѣ описанной нами степи, въ равномъ разстояніи отъ замковъ того и другаго Пана, существовало Жидовское мѣстечко В....,

которое теперь не больше, какъ бѣдная деревушка. Въ тѣ времена хотя торговые обороты и промышленность Евреевъ сохраняли его нѣсколько времени въ цвѣтущемъ состояніи; но частые набѣги, буйства козаковъ и Польскихъ опрядовъ, а частію тяжелыя пошлины начали приводить въ упадокъ обитателей мѣстечка, которыхъ было до 600 человекъ. Спроеніе по большей части начинало вѣншашъ. Двѣ небогатыя лавки кой съ какимъ поваромъ видѣлись посреди первой слободы. По обоимъ концамъ двѣ корчмы, а близъ кладбища на горѣ низкое, длинное строеніе, служившее мѣстомъ молитвы для Евреевъ, въ родѣ ихъ обыкновенной синагоги.

Былъ тихій, ясный вечеръ. Звѣзды изобильно усыяли небосклонъ. Изъ обѣихъ слободъ мѣстечка тянулись вер-

ницы Жидовъ къ низменному спрое-
нiю для вечерней молитвы. Множеспи-
во сальныхъ свѣчъ было зажжено во
внупренноспи и распавлено на окнахъ.
Раввинъ началъ громогласное воззванiе,
раскрылъ книгу, и моленiе началось.

Долго продолжалось оно и уже при-
ходило къ концу, какъ въ лощинѣ, око-
ло кладбищенской ограды, показалась
закушанная человѣческая фигура, ѣду-
щая верхомъ на лошади; она сильно пону-
ждала хвороспиной и каблуками усна-
ленную клячу; но упрямое живошное не хо-
пѣло слушаться. Наконецъ, допавшив-
шись кой-какъ до синагоги, ѣздокъ слѣзъ
на землю съ своего пегаса. Кипо бы не
узналъ въ немъ нашего знакома Вур-
зу?

Проворный факпортъ, привязавши ло-
шадь, спукнулъ легонько въ двери, и
лысая, носаспая голова приврашника,

съ прикрасой длинныхъ, рыжихъ пестиковъ, высунулась наружу.

— Давно-ли наши на молишвѣ?—спросилъ факпоръ.

— Четвертая пѣснь Моисея.

— Здѣсь братъ Рувимъ?

— Здѣсь.

— А братъ Аввакумъ?...

— Молился.

— А дядя Исаакъ?

— Тоже.

— А дядя Аввимъ?

— Здѣсь же.

— А сватъ Нафанаилъ?...

— Здѣсь.

Попомъ любопытный факпоръ продолжалъ пересчитывать по порядку всѣхъ своихъ родственниковъ, коихъ было до тридцати, и получивъ отъ привратника удовлетворительные отвѣты, онъ сказалъ ему что-то на

ухо и просилъ выслать къ себѣ нѣко-
 торыхъ изъ нихъ. Приврашникъ уда-
 лился, и черезъ минушу, одинъ за дру-
 гимъ по одиначкѣ, выскочило человѣкъ
 двѣнадцать Жидовъ. Факшоръ махнулъ
 имъ рукою, и всѣ послѣдовали за нимъ
 подъ гору.

— Братья, добыца, богашая добыца,
 якъ Пана Бога кохаю!—вскричалъ Вур-
 за своимъ сродникамъ.

— Гдѣ?... гдѣ?... Въ какомъ мѣ-
 стѣ?... подхвапили всѣ Іудеи въ одинъ
 голось.

— Въ палахахъ Пана Варницкаго.

— Якъ зе шо?

— Онѣ шеперь пуспы, хопъ шаромъ
 покаши, шолько хмыль въ нихъ гуля-
 ешъ. Кладовая далеко опъ главныхъ
 хоромъ, не скоро запалишся, а набиша
 шуго. Швидко надо запрягашъ кони,

чпобъ не перяпъ время. Eilen sie Brüder!..

— А кто запалилъ Панскія хоро-
мы?...

— Сами Панове. Въ полночь хопѣ-
ли къ нимъ наѣхашъ Гайдамаки въ го-
спи. Я осперегъ ихъ и спровадилъ
заранѣ, чпобъ было цѣмъ поживишься
и назадъ убрашъ до прокляпыхъ.
Ну зе скорѣе, други! Скорѣе!...

— За разъ, за разъ!... вскричали всѣ
въ одинъ голосъ.

Топічасъ каждый побѣжалъ въ свою
хашу, вывелъ клячу, и запрягши всѣхъ
вмѣстѣ въ огрумную фуру, Жида усь-
лись и сколько возможно рысиспѣ
поплелись къ пылающему зѣмку.

Часа съ два пѣянулся каррикатурный
поѣздъ. Тѣ, которые не усьлись, подо-
бравши свои длинныя плащя, бѣжали
позади. Наконецъ показался во всемъ

своемъ великолѣпнѣйшѣмъ пылающѣмъ домѣ Пана. Весь главный флигель былъ объятъ пламенемъ; боковыя строенія и холопскія службы также начинали заниматься; только одна кладовая, ни сколько не вредимая, на счастье улыбалась жадному Вурзѣ, который съ пакой доброшюй и съ такимъ усердіемъ хотѣлъ обогатить ближайшее родство свое.

Вѣхавъ на дворъ, Евреи поспѣшнѣе бросились въ приманчивую кладовую, сбили ломомъ замки, начали выпаскивать куски матерій, суконъ, полошенъ, серебряную посуду и множество дорогихъ вещей разнаго рода. Многіе изъ самыхъ жадныхъ и опважнѣвшихъ врывались даже въ нижній этажъ пылающихъ боковыхъ строеній, выпаскивали опшуда мебели, сдирали съ нихъ бархатъ, галуны и наполняли

ими свои карманы. Блаженство ихъ было въ высшей степени. Они воображали себя среди вѣчнаго шабаша, не могли насытить глазъ при видѣ награбленныхъ ими сокровищъ и желали бы всю кладовую перепасиить къ себѣ въ селеніе, еслибъ было возможно.

Наконецъ, успавши нагружаясь себя всѣмъ, чѣмъ только было удобно и обвиваясь около себя куски матерій, копорыя нигдѣ не могли уложить и взявъ съ собою, они съ жалостію посмопрѣли на кладовую, въ копорой еще оставалось добра много, очень много.... Но время напоминало имъ о возвращеніи; до полуночи оставалось не болѣе получаса. — Домой, за разъ домой!... Но, о несчастіе!... Тотія лошади отъ слишкомъ большаго груза не двигались съ мѣста!...

Началась перекладка. Со слезами на глазахъ Жиды повыкидали кой-что, по ихъ мнѣнію не споль драгоцѣнное; вздохнули тяжело и поплелись шагомъ по песчаной дорогѣ, оглядываясь по временамъ то на пожирающее пламя, въ которомъ каждая искра казалась имъ блестящимъ червонцемъ; то на опворенную, очаровательную кладовую, какъ будто она манила ихъ назадъ ворошиться.

Ужъ Евреи доплелись до Панскаго шалаша на курганѣ. Но что это за гуль, что за спонъ подземный несется имъ на встрѣчу? Не прошло двухъ минутокъ, какъ вдругъ, подобно бурѣ, подобно перелепному вихрю, въ ночномъ шуманѣ показалась густая толпа всадниковъ, во весь галопъ скачущихъ Жидамъ на встрѣчу.

Фура оспановилась. Въ оцѣпенѣніи

Жиды прижались другъ къ другу; члены ихъ оледенѣли; нѣкоторые спрятались подъ фуру и ожидали неизвѣстной участи.

— Кпо шакой?... Дьяволы, Ляхи или Жиды?—вскричалъ одинъ изъ переднихъ всадниковъ козачьей толпы, и пошчасъ фура была окружена козаками.

— Чпо за люди?—опяшь повпорилъ пошъ же голосъ.

Не было отвѣта.

— Эй, Гриценко!... всприхни-ко ихъ, авось подадутъ голосъ. А!... Теперь вижу!... Эпо Жиды проклятые.... О!... собачье мясо!... Брашеньки! швидчѣй ихъ въ нагайки!...

— Ай, ай!... Вей миръ, вей миръ!... Помилосердуйше, Панове!... вскричали Жиды, со слезами валяясь по земль.

— Пощадице насъ бѣдныхъ; мы же не зробили вамъ зла никакого!...

— Связапъ ихъ поганныхъ и осмоп-
ръпъ фуру!—вскричалъ Халенко.—О! да
шамъ все добро Панское!... Ахъ, бѣсо-
во опродье!... Ограбили замокъ, подо-
жгли, да и хотѣли дапъ пыль. О!
Швидко, шащи всѣхъ волкамъ на жаре-
во! За-разъ!...

Тщепны были просьбы, рыданія и
вопли несчастныхъ Евреевъ: фура была
оборочена назадъ. Въѣхавши на дворъ,
козаки перевязали Жидовъ, попомъ
принялись за кладовую. Опуспопивши
ее, связанныхъ бѣдняковъ перепаскали
пуда и зажгли со всѣхъ споронъ. Ужа-
сенъ былъ спонъ и дикій крикъ по-
гибавшихъ огнь пламени, но козаки бы-
ли шверды, какъ камень. Бѣдный Вур-
за! Вошъ плодъ швоего корысполюбія!

вопѣ чпо пригошовилъ пы ближай-
шимъ роднымъ своимъ!...

— Гори, гори чоршово племя!—кри-
чали козаки.—Экъ ихъ разбираешъ, про-
кляпыхъ, и умерешъ-по молча не умъ-
юшъ!...

Насладившись жеспокимъ увеселені-
емъ, вся вольница съѣла на коней. На-
груженные добычей козаки поѣхали съ
пѣснями опъ догорающихъ развалинъ,
оспава Жидовскихъ лошадей, какъ
грузъ, могущій бесполезно замедлишь
пушъ ихъ.

ГЛАВА V.

ЛОЖНЫЙ ДРУГЪ.

Ужъ нѣтъ ее, и грудь пуста!...

Ахъ!... если бѣ... если бѣ чаще
Ко мнѣ слепала ша жъ мечпа,
Мнѣ горе было бѣ слаще!...

Ө. Глинка.

Кому не извѣстно это очарователь-
ное, неизъяснимое чувство, воспѣтое
Пепраркомъ, Назономъ и многими изъ
древнихъ, и воспѣваемое понынѣ тыся-

чами сладкозвучныхъ поэповъ; чувспво, иногда вспыхивающее въ порывахъ пламени и увлекающее все за собою, иногда тихое, шомное и уладительное.

Бывають роковыя минушы въ жизни, когда одинъ взглядъ милаго существа пробуждаеть въ насъ всю силу спраши и приковываетъ къ себѣ на вѣки швердыми узами; и мы счастливы, если на молчаливый вопросъ воспорженной души опзовуся взаимно уладительные знуки; но если нѣтъ—горе!... Но чтожь за чувспво, которое даеть намъ магическую силу говорить безъ словъ? которое первый взглядъ милаго шворенія даеть чипашъ душѣ, какъ открывшую книгу природы и врѣзываетъ его сильными черпами во глубину души?... Кто не испыталъ эшаго чувспва?... Кто не богошворилъ

и не проклиналъ его?... Это любовь!.. Да, любовь, повпорише вы, милые чашапели.

Ахъ опасная подруга рѣзвой юности!... Ахъ коварная прелесница!.. Для чего ты посѣпила юную, неопытную Магдалину? Для чего ты споль неожиданно и споль сильно овладѣла сердцемъ бѣдной дѣвушки?... А ты, неумолимый спутникъ судьбы, гопь, иногда благодѣшельный, иногда мучишельный и несносный; ты, копорого люди зовутъ *случаемъ*! За чѣмъ ты привелъ къ ней юнаго избавишеля?... За чѣмъ далъ ей увидѣшь огневья черныя очи?... За чѣмъ ты вознесъ на верхъ блаженства и разперзалъ сердце дѣвушки!...

Въ самомъ дѣлѣ, первый взглядъ Войнаровскаго рѣшилъ судьбу прекрасной Магдалины, и молодой наѣздникъ имѣлъ

шу же учась: также очаровали его прелести Панны, и миловидное, помное личико ея заронилось глубоко въ душу юноши.

До сихъ поръ веселый, безпечный и удалый, извѣстный между своими товарищами за перваго весельчака и рубаку, — Войнаровскийъ теперь былъ грустенъ, задумчивъ, горьки пилъ мало и совсѣмъ оставилъ веселья, шакъ сильно прогающія душу пѣсни своей любезной подруги — доброй Украйны. Но что въ это время происходило въ замкѣ Лодомирскаго? Юная Магдалина не была спокойнѣе своего очаровашеля. О!... какъ она грустила, какъ посковала, подобно юной безпріютной пальмѣ, въ знойный день опустившей пѣнистыя вѣтви. Видѣлъ ли кто съ роковаго праздника хоть одну улыбку дѣвицы?... Мысль, что онъ раздѣленъ

опѣ нее безпредѣльной вѣчноспью,
что она ужъ больше не увидитъ его,
что онъ сотворенъ не для нее, все
это сильно убивало пылкую душу.

Но ошиблась прелеспная Панна.
Предчувствія часто обманчивы. Въ
одинъ день, пользуясь приглашеніемъ
Пана Прокопья, молодой Войнаровскій,
въ сопровожденіи своего пріятеля Яс-
сельскаго, кошорому уже успѣлъ от-
крыть тайну своего сердца, явился въ
зѣмкъ Лодомирскаго. О минушы бла-
женства!... Какъ очаровашельна была
прелеснь свиданія!

Молодой Яссельскій, человекъ пыл-
каго, неспокойнаго ума и любимецъ
буйныхъ спраспей, былъ привязанъ
нѣкоторымъ родомъ дружбы, по сход-
ству характеровъ, къ Войнаровскому;
но продолжая съ нимъ посѣщать семей-

спво Лодомирскихъ, сначала почув-
спвовалъ родъ зависпи къ счаспію
своего поварища, попомъ мучитель-
ную поску, похожую на чувспво, из-
вѣспное подъ именемъ *ревности*, — чув-
спво, опъ копораго спрадаюшъ споль-
ко женъ — и даже мужей!... Нако-
нецъ онъ воспымалъ сильной спраспію
къ Магдалинѣ. Довѣрчивый и добрый
другъ ничего не замѣчалъ, а лукавый
пріятель, подобно змѣѣ, носилъ ядъ,
избирая удобный случай излить его на
жертву свою.

Взаимная спраспъ Войнаровскаго и
Магдалины не скрылась опъ Пана
Прокопія. Хошя врожденная и непрео-
долимая ненависпъ Поляковъ къ Украин-
ской вольницѣ и ко всемъ Запорож-
цамъ была извѣспна; но неподдѣльная
доброша, человѣколюбіе, радушіе и
храбростъ Войнаровскаго сильно по-

правились Пану, и онъ опъ души полюбилъ его!

Начались распросы и освѣдомленія. Наконецъ узнали, что молодой Войнаровскийъ былъ племянникъ Украинскаго Гетмана Мазепы, и что одна только врожденная спрасъ къ молодечеспву, набъгамъ, воинской жизни и разгульной свободѣ удерживали его между вольницей козачей, и что служа Опечеспву другимъ образомъ, онъ могъ бы нмѣть шагъ гораздо блиспашельнѣе.

Политическій ходъ событій внезапно началъ благопріяспвовать обспояспельспвамъ. Почти всѣ разногласія и неудовольспвія, возникшія между Шляхеспвомъ Польскимъ проспивъ Королевскаго Прависпельспва измѣненіемъ нѣкоторыхъ посспановленій хотя на время прекрапились, взволно-

ванные умы успокоились, и Панъ Проконій Лодомирскій, не желая опказавъ въ счастіи своей дочери, далъ свое согласіе на бракъ съ пѣмъ, чѣмъ Войнаровскій совершенно опказался отъ кочевой жизни, уѣхалъ съ нихъ во внутренность Липовскихъ областей, и тамъ, соединившись съ Магдалиной вѣчными узами, проложилъ себѣ другой путь къ славѣ и возвышенію!

О любовь къ Опечеспву!... Любовь къ милой, пустынной Украинѣ, къ роднымъ куренямъ, сильно ты боролась съ любовью къ милому созданію въ сердцѣ Войнаровскаго!... Та и другая спорона была довольно сильна; но важное обстоятельство прекратило опасную борьбу!...

Сильное вторженіе Крымскихъ Татаръ въ южныя, пограничныя степи взволновало събъ Запорожскую. Палѣй

съ своими дружинами и вся вольница Украинская рѣшились на походъ за золопомъ и пкаными Ташарскими. Войнаровскій, услыща радоспную и вѣспѣть печальную вѣспѣть, объявилъ Пану Лодомирскому, что не желая показаться шрусомъ въ глазахъ своего Ошечесва, онъ, по долгу службы, рѣшился совершить Крѣмскій походъ, и если Всевышнему угодно будетъ сохранить дни его, то по возвращеніи онъ посвятитъ всю жизнь свою для Панны Магдалины и ея семейсва.

Трогашельно было прощаніе! Но чеспѣть, долгъ и родина,—эти священныя слова слишкомъ были сильны, чтобы дать волю другимъ ощущеніямъ, и Войнаровскій опсправился въ сѣчь Запорожскую.

Яссельскій уже давно не посѣщалъ Лодомирскихъ.

Проводивши друга, онъ отправился въ
Жипомиръ, чпобъ во время опсупеш-
вія Войнаровскаго, *пріятельски* разру-
шивъ всѣ его надежды.

ГЛАВА VI.

ВЪ ЖИТОМИРЬ.

Взгляни на ликъ холодный сей!

Взгляни! Въ немъ жизни нѣтъ!

Но какъ на немъ былыхъ спраспей

Еще замѣпенъ слѣдъ!...

Евгеній Баратынскій.

Въ Жиитомирѣ, подѣ горою, не далеко отъ воеводскаго дворца видѣнь былъ двухъ-этажный домъ, въ которомъ находилась Каполическая Каспелла съ

высокимъ куполомъ и рѣшетчатыми окнами; рядомъ же съ нимъ небольшое каменное строеніе, служившее для приѣзжихъ, въ родѣ госпинницы и обнесенное чугунной оградой.

Въ крайнемъ окнѣ нижняго этажа этого строенія, въ одну темную, пасмурную ночь видѣнъ былъ свѣпъ и въ небольшой комнатѣ за столомъ сидѣлъ челоѣкъ немолодыхъ лѣтъ, обкладенный бумагами и множеспвомъ книгъ. Сухощавое, блѣдное лице, быспрые глаза, хопя нѣсколько помупившіеся опъ времени, губы сжапыя въ родѣ иронической улыбки, черное плашье, показывающее духовный санъ, были опличительные признаки этаго челоѣка.

Онъ былъ углубленъ до чрезвычайности въ чпеніе какихъ-то писемъ. То гнѣвъ, то досада, то удовольспіе,

по страхъ отражались въ его физиогноміи, какъ вдругъ упражненія его были прерваны спугомъ въ рѣшетку окна. Спарикъ вспрепенулся, началъ прислушиваться; попомъ опворилъ небольшую опдушину и спросилъ съ робостью: кто беспокоитъ его въ полночную пору.

— Не здѣсь ли квартируетъ Іезуитъ Паперъ Яншовскій? — спросилъ громкій голосъ снаружи.

— Здѣсь, — опвѣчалъ спарикъ. — Милости просимъ, почтеннѣйшій другъ, — продолжалъ онъ, вслушиваясь въ голосъ; и закрывши окно, поппчасъ вышелъ къ ворошамъ встрѣчать запоздалаго госпя.

— Ну, любезнѣйшій Панъ Яссельскій, — сказалъ Іезуитъ, вводя въ комнапу своего знакома (также знакомаго нашимъ чипашелямъ); не думалъ, чпобы

вы пакъ неожиданно очутились въ Жишомиръ, а еще меньше ожидалъ пакъ поздно вашего посѣщенія. Письма ваши обѣщали совсѣмъ другое!

— Да, почтеннѣйшій отецъ, у меня не было и намѣренія пакъ скоро сюда отправиться; но перемѣна нѣкоторыхъ обстоятельствъ и нужда посовѣщываться съ вами лично...

— Вѣрно о покупкѣ аренды, что я предлагалъ вамъ?

— Нѣтъ, честный отецъ, не о томъ дѣло, а объ моихъ сердечныхъ объясненьяхъ. Вѣдь вы знаете...

— Очень понимаю. Вы писали мнѣ на счетъ Войнаровскаго; что уже Панъ Лодомирскій почти совершенно рѣшился, и вамъ не остается никакой надежды...

— Но теперь, любезный Паперъ, ходъ дѣла совершенно перемѣнился.

Мнѣ необходимо нуженъ вашъ совѣтъ, ваше знаніе свѣта и сердець человеческихъ. Вѣдь вы, я думаю, слышали....

— О вооруженіи Запорожской сѣчи и о походѣ вы хопише сказать? Я получилъ объ этомъ письмо отъ Генмана, любезнѣйшій, и порадовался выгодамъ вашей позиціи. Теперь можно дѣйствовать *sine ira et studio*....

— Въ этомъ у меня вся надежда на васъ, и я увѣренъ, что въ осуществленіе его мы напрасно не потеряемъ время.

— Разумѣется, если намъ не препятствуютъ другія обстоятельства. А уже есть одинъ камень преткновенія!

— Я васъ не понимаю, Паперъ Янповскій!

— Я говорю объ одной непріятной новостѣ, которую обязанъ замѣнить вамъ....

— Чшождь шакое, честный опецъ?

— Слыхали ли вы о Панъ Владиславъ Варницкомъ?

— Варницкій?... Я его даже знаю. Вы вѣрно хопите сказаць о домогательствахъ сына его на руку Магдалины?... Но я думаю, вамъ извѣстно несчастное приключеніе....

— Очень извѣстно, но не менѣе того извѣстно, что опецъ и сынъ находящся здѣсь въ Жишомиръ не далеко отъ этой каштеллы.

— Какъ? Неужели?...

— Извѣстно и то, что молодой Игнашій Варницкій не поперялъ правъ искаць того, чего вы ищете; спарашься о помъ, о чемъ вы спараешесь, и что, узнавши о вашихъ намѣреніяхъ, онъ можетъ быть вашимъ жеспочайшимъ непріателемъ.

— Но въ какомъ-же отношеніи мнѣ его бояться?...

— Во всякомъ случаѣ. Онъ человѣкъ богатѣйшій, ума пылкаго, характера рѣшительнаго; вездѣ и пайнымъ и явнымъ образомъ онъ можетъ вредить вамъ. О! развѣ мало здѣсь людей, готовыхъ за горсть золота продать дьяволу не только чужую, но и свою душу.

— Я очень увѣренъ; но чпожъ намъ дѣлать въ такихъ обстоятельствахъ?

— Я ничего не могу вамъ сказать на это, ясный Панъ. Это дѣло слишкомъ трудно, чпобы мнѣ....

— По крайней мѣрѣ вашъ совѣтъ, честный отецъ, ваше содѣйствіе,—сказалъ Яссельскій, положи между бумагами два большіе кошелька, полные золота.

Паперъ большими шагами ходилъ по комнапѣ. Наконецъ, какъ бы взвѣсивши глазами шяжеспъ кошельковъ, онъ приложилъ палецъ ко лбу и погрузился въ размышленія.

— *Ars longa, vita brevis!*... вскричалъ онъ наконецъ, садясь въ кресла напрошивъ Яссельскаго. Еспъ, любезнѣйшій Панъ, еспъ одно средспво; дай-те мнѣ вашу руку; все кончено, и враги наши — прахъ!...

— Чѣмъ мнѣ благодарить васъ, почтеннѣйшій!...

— Очень, очень доволенъ. Одолѣвши враговъ, мы смѣло приступимъ къ дѣлу, и тогда уже безъ всякихъ затрудненій все будетъ по нашему. Гешманъ покровительспвуеетъ намъ, и мы.... чпо нибудь дѣлапъ можемъ; а если руки свободны, то и дѣйспвоуеетъ вольно. Да, я хотѣлъ попросить

вась разказаць мнѣ испорію вашего знакомства и дружбы съ Войнаровскимъ; но теперъ не время; мнѣ кажешся, уже начинаешъ свѣщать. Не пора ли намъ разстаться съ вами?...

— Прощайте, чеснѣйшій ошецъ. Я, можець быць, помѣшалъ вашимъ благочеспивымъ занятіямъ. И пакъ вы не лишаете меня надежды, чпо наши планы...

— О! будьте увѣрены, все увѣнчается блестящимъ успѣхомъ. *Finis coronat opus!* До свиданія!...

Іезуитъ проводилъ своего госпа на улицу, прошепшалъ ему чпо-шо въ слѣдъ съ коварной улыбкою и возвратился къ своимъ занятіямъ.

На другое утро, послѣ описаннаго посѣщенія, у Городскаго вала нашли обезображенное тѣло Пана Игнація

Варницкаго. Неупышный отецъ испро-
силъ дозволеніе къ публичному погре-
бенію, и Пашеръ Яншовскій, съ обиль-
ными слезами, въ надеждѣ нѣсколькихъ
червонцевъ, чипаль ему надгробное
слово.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ГЛАВЫ.

	СТР.
I. Ночная экспедиція.	5
II. Панская вечерница.	22
III. Еще Пань.	49
IV. У Жидовъ.	63
V. Ложный другъ.	75
VI. Въ Житомирѣ.	85